

Курочкина Анна Анатольевна

**ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОПИСАНИЯ НАРОДНОГО ОБЫЧАЯ
"КАПУСТКИ" В РОМАНЕ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО "НА ГОРАХ"**

В статье изложены результаты поиска фольклорно-этнографических источников описания народного обычая "капустки" в тексте романа П. И. Мельникова-Печерского "На горах". Отражено, как складывался и развивался образ указанного обряда в народоведческой литературе XIX века, известной писателю. Доказано, что описание обычая в романе не имеет этнографической достоверности и лишено регионального колорита. Показано, как выбор и трактовка этнографических реалий при включении их в художественный текст определялись художественно-композиционными целями А. Печерского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 33-36. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0

В статье изложены результаты поиска фольклорно-этнографических источников описания народного обычая «капустки» в тексте романа П. И. Мельникова-Печерского «На горах». Отражено, как складывался и развивался образ указанного обряда в народоведческой литературе XIX века, известной писателю. Доказано, что описание обычая в романе не имеет этнографической достоверности и лишено регионального колорита. Показано, как выбор и трактовка этнографических реалий при включении их в художественный текст определялись художественно-композиционными целями А. Печерского.

Ключевые слова и фразы: П. И. Мельников-Печерский; роман «На горах»; фольклор в литературе; народный календарь; народные обряды; народная песня; художественный этнографизм.

Курочкина Анна Анатольевна

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
chikalinka@mail.ru*

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОПИСАНИЯ НАРОДНОГО ОБЫЧАЯ «КАПУСТКИ» В РОМАНЕ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «НА ГОРАХ»

Календарный обычай рубки капусты на Сергиев день описан П. И. Мельниковым (А. Печерским) в четвертой главе четвертой части второй книги романа «На горах». В данном эпизоде живописное изображение «повсеместного обычая» служит декорациями беспредельного горя Дуни Смолокуровой, потерявшей отца. «Похожий на пустыню», безмолвный дом среди шумного, нарядного, распевającego «Матушку капустку» мира выглядит мертвым. Подробность описания подчеркивает контраст: Дунин дом – все остальные дома «по всем городкам, по всем селеньям». Обычай преподносится как исконный, песня «Матушка капустка» – как старинная, бытующая на Руси с той поры, «как предки наши познакомились с капустой и с родными щами». В художественном мире романа П. И. Мельникова обычай рубки капусты на Сергиев день воспринимается людьми настолько обязательным, что тишина в Дунином доме в этот день – самое весомое доказательство того, что молодая хозяйка собирается продавать отцовский дом. При внимательном чтении эпизода мы обнаружим, что большая часть текста акцентирует повсеместное бытование обычая, а этнографические детали сводятся к следующим фактам:

1. Народное название обычая «капустки» выделено А. Печерским кавычками, как и в других описаниях народных праздников, например – «дожинок».

2. Указана строгая календарная приуроченность обычая – Сергиев день. Имеется в виду 25 сентября по старому стилю, день памяти святого преподобного Сергия Радонежского.

3. Содержание обычая: «<...> к зажиточным людям тогда вереницами девки да молодки с тятками под мышками собираются. А ребятишкам и числа нет, дела они не делают, зато до отвала наедаются капустными кочерыгами. Шум, визг, крики разносятся далеко, а девицы с молодцами, стоя за корытами, “Матушку капустку” поют...» [3, с. 419].

4. Приведен текст названной выше песни. Песня преподносится как исконная.

Прежде чем характеризовать этнографическую компоненту фрагмента, обратим внимание на предшествовавшие роману «На горах» опубликованные описания «капустки». Обычай осенней коллективной заготовки капусты упоминался уже в первых этнографических монографиях, посвященных народным обычаям Российской империи. О его широком распространении свидетельствовали и более поздние источники. При этом образ обычая, кочуя из книги в книгу, постепенно преобразовался. Хронологически одно из первых печатных упоминаний обычая содержалось в сочинении Е. А. Авдеевой «Записки и замечания о Сибири», изданном в Москве в 1837 году с предисловием К. А. Полевого. «Записки» были переведены на чешский, немецкий, английский языки и названы А. Н. Пыпиным одной из первых «собственно этнографических» книг в России. Описание сибирского осеннего обычая совместной рубки капусты, сделанное Е. А. Авдеевой, легло в основу более поздних публикаций других авторов, значительно расширявших ареал бытования обряда. По наблюдениям Е. А. Авдеевой, прожившей в Сибири большую часть жизни, «капустки» здесь выглядели следующим образом: молодые девушки собирались для рубки капусты, затем их кормили праздничным ужином. После трапезы приходили парни, и начиналось общение, забавы, шутки, игры [1, с. 78].

Содержание данного описания фактически дублируется в четвертом томе сочинения И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1839) [8, с. 89]. Исследователь упоминает обычай в контексте описания различного рода «помочей» – коллективных сельскохозяйственных работ. И. М. Снегирев, приводя сведения, предоставленные Е. А. Авдеевой, дополняет их данными из Приволжских и других Северо-Восточных губерний, где «капустницы» имеют вид обходного обряда. По данным ученого, подобный обычай встречается также во Франции и Германии.

Следуя логической структуре описания осенних календарных обрядов, выстроенной И. М. Снегиревым, А. В. Терещенко также описывает «капустки» среди многочисленных видов «помочей» [9, с. 137-138]. Однако главное место в его изображении обычая занимают данные из Чебоксарского уезда, заимствованные автором из «Записок о чувашах и черемисах Казанской губернии» А. А. Фукс (1840). Сведения И. М. Снегирева и А. А. Фукс автор дополняет данными о малороссийских особенностях обычая. Драматизируя повествование в характерном для него ключе и превращая описание обычая в краткий этнографический очерк о крестьянских нравах, А. В. Терещенко объясняет активное бытование обычая весьма прагматично. По мнению

исследователя, «капустки» предоставляют разнополой крестьянской молодежи редкую возможность непринужденного общения и знакомства. К этому логическому заключению сводит автор своеобразие форм обычая и его популярность в различных регионах страны.

Упомянутые этнографические труды И. М. Снегирева и А. В. Терещенко сохранились в части личной библиотеки П. И. Мельникова-Печерского, переданной в фонды Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В. И. Ленина. По словам Д. А. Балики, изучавшего библиотеку писателя вскоре после ее передачи в НГОУНБ, экземпляры указанных книг несли на себе следы «активного чтения», содержали на полях многочисленные авторские пометы. Отсюда мы можем быть уверены, что П. И. Мельников был знаком и со сведениями, представленными в данных публикациях, и с их авторской интерпретацией. Обратим внимание на то, что оба этнографа, во-первых, не указывают конкретной календарной приуроченности данного осеннего обычая. Во-вторых, именуют его «капустницей», «вечером капустки», «капусткой». В-третьих, ареалом бытования считают большую часть России (в т.ч. Сибирь), Малороссию. В-четвертых, важной частью обычая называют приуроченные к празднику гулянья разнополой молодежи. В-пятых, выделяют поволжскую особенность обычая – празднование в виде обходного обряда. Как мы видим, в романе «На горах» «капустки» изображены в ином ключе.

Еще один этнографический труд, присутствовавший в личной библиотеке П. И. Мельникова, – «Сказания русского народа» И. П. Сахарова в его третьем переиздании (1841-1849). Указанное сочинение было существенно дополнено автором по сравнению с первой публикацией 1836 г. В частности, в книгу были включены песенный раздел и «Народный дневник», интересующие нас в контексте данного исследования. И хотя первое издание «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков» предшествовало «Русским простонародным праздникам» и «Быту русского народа» и было известно их авторам, однако в настоящей работе здесь и далее сочинение И. П. Сахарова рассматривается как более позднее по отношению к трудам А. В. Терещенко и И. М. Снегирева. К тому же сопоставление убедительно показывает, что при написании «Народного дневника» И. П. Сахаров пользовался упомянутыми выше трудами соратников, обрабатывая их данные в своем авторском ключе. Рассмотрим, каким предстает в «Сказаниях русского народа» обычай, связанный с осенней заготовкой капусты. Во втором томе книги, увидевшем свет в 1849, рассказ о «капустках» помещен в «Народном дневнике» под 14 сентября ст.ст. (27 сент. н.ст.) [7, с. 393-394]. Композиционно очерк разбит на две части. Первая описывает обычай, бытующий в Алексине Тульской губернии, где девушки в богатых уборах ходят с песнями из дома в дом рубить капусту. Для них накрывают особый праздничный стол. За девушками являются молодые парни с гостинцами высматривать невест. Вторая часть очерка воспроизводит сведения Е. А. Авдеевой о «капустенских вечерках» в Сибири, упоминаемые также в монографии И. М. Снегирева. Наименование «капустницы» И. П. Сахаров использует для обозначения двухнедельного периода девичьих вечеринок, приуроченных к рубке капусты и начинавшихся на Воздвиженье (14 сентября по ст.ст.). В качестве авторитетного подтверждения изложенного положения вещей исследователь приводит народные пословицы: «Смекай баба про капусту на Воздвиженьев день», «У доброго мужика на Воздвиженьев день и пирог с капустой» [Там же, с. 393]. Также обратим внимание на то, что 25 сент. ст.ст. (8 окт. н.ст.) приведены исключительно приметы, касающиеся установления зимы.

Единственная монография, четко привязывающая «капустки» (именно в таком варианте названия) к дате 25 сент. ст.ст., – «Пословицы русского народа» В. И. Даля, впервые опубликованная в 1862 г. Экземпляр данного издания также находился в личной библиотеке П. И. Мельникова и являлся наиболее вероятным источником многих календарных примет, упомянутых автором в романе «На горах». В «Месяцеслове» (один из разделов указанной книги) под датой 14 сентября ст.ст. мы находим сведения, повторяющие данные И. П. Сахарова об этом дне: «Начало капусткам, капустниц, капустенских вечеров (кои длятся две недели)» [2, с. 996]. А вот фрагмент характеристики 25 сентября по ст.ст.: «На Сергия капусту рубят. Капустки» [Там же]. Был ли П. И. Мельников очевидцем живого бытования описанной им традиции в Поволжье? Или, доверившись авторитету друга-этнографа, приурочил описанный обряд к Сергиеву дню? Вряд ли можно ответить на этот вопрос с абсолютной уверенностью. Одно можно сказать точно: именно локализация обычая в конкретной календарной дате, обязательная для всех и всегда, позволила автору создать систему контрастов и антитез большой художественной силы. По сути, изображение обычая, предложенное А. Печерским, является авторской художественной интерпретацией обряда, смещающей акценты с его этнографической трактовки на достижение композиционных целей эпизода.

Проследив эволюцию описания «капустки», кочевавшего из книги в книгу и обраставшего подробностями и трактовками, мы видели, как в монографии А. В. Терещенко интерпретация обычая впервые стала превалировать над его описанием. Излагая региональные особенности обычая, исследователь компоновал каждое описание в виде краткого очерка, где производственный процесс уходил на второй план, на первом же оказывался драматический треугольник отношений. В декорациях «капустенских вечеров» юноши и девушки ловили редкие моменты общения друг с другом, а прагматичные родители противились этому, якобы опасаясь крушения своих матримониальных надежд. Трактовка «капусток» как неофициального смотра невест останется в этнографической литературе надолго, однако в изображении П. И. Мельникова она не найдет никакого отражения. При внимательном рассмотрении становится ясно, что причина тому – функция упоминания обычая в романе «На горах».

Структура описания «капустки» А. Печерским определяется двумя главными художественными целями эпизода. Во-первых, автор акцентирует внимание на звучании праздника: вокруг беззвучного смолокуровского дома «шум, визги, крики», раздаются девичьи голоса, поющие «старую-престарую» капустную песню. Мертвая безмолвность Дуниного дома среди кипения радостной и шумной жизни становится метафорой состояния самой героини, потрясенной чередой трагических событий.

Во-вторых, подчеркиваемая автором древность, обязательность и повсеместность обычая служит созданию образа рухнувшего «порядка вещей». Со смертью отца Дуня словно выпадает из естественного круговорота времени, присутствующего в романе в виде череды соблюдаемых всеми календарных обычаев.

На протяжении всего романа П. И. Мельников-Печерский изображает купцов хранителями традиций: и Смолокуров, и Чапурин, и Доронин организуют жизнь согласно установленному предками порядку. Обычай соблюдается ими, невзирая на «частные обстоятельства». Организуя художественную структуру эпизода как систему антитез и контрастов, П. И. Мельников соединяет временные пласты: молчаливый дом Смолокуровых противопоставлен не только всему остальному миру, но и себе самому в прошлом, когда «бывало, к пристани Марка Данилыча лодок по десяти с капустой приходило».

Авторское изображение отказа Дуни от соблюдения общепринятого обычая становится выразительной характеристикой ее психологического состояния. Героиня не просто скорбит по отцу – она переживает гибель прежнего уклада жизни, трагическое разочарование в хлыстовской вере, крушение собственных представлений о добре и зле. В смысловом отношении, «капустки» открывают завершающую часть романа, в которой Дуня вынуждена будет самостоятельно сформировать для себя новую идентичность, основанную на пережитом опыте и своеобразии личного характера. Итогом станет обретение личного счастья, «скромная и бесшумная» свадьба (композиционно противопоставленная пышной родительской) и признание «великороссийской веры» единственно истинной.

Далее мы снова и снова будем фиксировать в романе «На горах» использование характерного авторского приема – ретардации повествования за счет включения в текст своеобразных драматизированных, чрезвычайно подробных «сцен из народной жизни». Мы встретим развернутые описания народных традиций, предваряющие решающие повороты в судьбе героев или открывающие новые сюжетные линии. Но уже здесь и сейчас, в коротком рассказе о «капустке» мы можем увидеть весь «механизм» авторской работы с фольклорным материалом. Для этого обратимся к тексту песни, презентованной А. Печерским как «Матушка капустка».

Это один из наиболее длинных песенных текстов в романе «На горах», преподносимых автором-повествователем как аутентично фольклорный. При этом ни в одном из этнографических описаний обычая, опубликованных ранее 1881 г., не указывалось на бытование приуроченных именно к нему особых песен. Сам текст «Матушки капустки» частично коррелирует с песней, опубликованной в 1865 г. в книге «Народные русские песни из собрания П. Якушкина» [10, с. 126-127]. Данная песня опубликована П. И. Якушкиным среди хороводных без каких-либо указаний на приуроченность ее к осенним обычаям. Содержательная и ритмическая корреляция ее с первой частью «Матушки капустки» П. И. Мельникова очевидна. Обратим внимание на главное их отличие – строфику. Именно строфическая организация, с одной стороны, объединяет текст П. И. Якушкина с абсолютным большинством опубликованных в XIX в. хороводных песен с рефренами «ой люли, ой люли», «диди ладо, диди ладушки» и т.п. С другой стороны, именно строфика выделяет текст, приведенный П. И. Мельниковым, из череды песен указанного жанра.

Вторая очевидная содержательная корреляция «Матушки капустки» – с мотивом «Вздорожали/вздешевели добры молодцы» из хороводной игры «Тонка, гибка жестянка...». Варианты указанной игровой песни приведены в упомянутых выше монографиях И. М. Снегирева, А. В. Терещенко и И. П. Сахарова. Однако во всех трех случаях совпадение с текстом песни из романа «На горах» ограничивается указанным мотивом.

Таким образом, перед нами текст, соединяющий мотивы двух хороводных песен «Я на камешке сажу» и «Тонка, гибка жестянка...», однако структурно отличный от них обоих. Вопрос формы народной песни исследован довольно полно и подробно. С тех пор как к исследованиям присоединились фольклористы-музыковеды, систематизация строфических форм народной песни обрела новое качество. Максимально широко этот вопрос разработан в исследовании Н. М. Савельевой «Проблема формы в русской народной песне». На основании результатов ее исследования мы можем говорить о том, что строфика «Матушки капустки» П. И. Мельникова не принадлежит к какому-либо известному строфическому типу хороводной песни. Это позволяет нам предположить авторскую «адаптацию» фольклорного текста к иной ситуации исполнения в художественном мире романа. Возможно, автор подошел к вопросу творчески и сочинил по мотивам широко известной песни «Я на камешке сажу» текст, ритмически более подходящий, на его взгляд, для исполнения во время долгой монотонной рубки капусты. В этом случае включение дополнительного мотива из другой песни обретает конкретный художественный смысл. Парни, упоминавшиеся во всех этнографических описаниях капустных посиделок как неперемные их участники, у П. И. Мельникова также присутствуют в эпизоде, но опосредованно, через текст ритуально исполняемой песни.

Конечно, существует вероятность того, что представленный в романе вариант песни «Я на камешке сажу» был услышан и записан П. И. Мельниковым от исполнителя. Однако, следуя данной гипотезе, мы неизбежно упрямеем в тот факт, что известны всего две публикации песни, сочетающей в себе мотивы двух указанных хороводных игр. Публикации эти повторяют друг друга до буквы, до запятой. Первая – в романе «На горах», вторая – в сборнике Н. Усова «Русские песни», где песня напечатана среди «наиболее характерных для <Горьковской> области образцов бытовавших старых песенных материалов различного жанра» [5, с. 5].

Это позволяет нам с большой долей уверенности предполагать, что перед нами литературное сочинение по мотивам фольклора. Важно отметить, что для создания псевдообрядовой песни писатель берет за основу широко известную народную песенку, уже не раз упоминавшуюся в русской литературе. Так, например, у А. Н. Островского она дважды звучит из уст персонажей – в пьесах «Не так живи, как хочется» (1854) и «Воевода» (1864). В обоих случаях песня звучит из уст мужских персонажей и вне какого-либо обрядового контекста. Причем вариант, исполняемый Щербаком [4, с. 101], по строению песенной строфы ближе к тексту П. И. Мельникова, чем песня, опубликованная П. И. Якушкиным. Структура песенной строфы

у П. И. Якушкина может быть отражена схемой АВnВ, где «n» – повторяющийся припев. Схема строфы у А. Н. Островского – АВnС, у П. И. Мельникова – АВnС. Как видим, песня Щербака вполне могла лечь в основу сочиненного П. И. Мельниковым варианта. В этом случае творческая логика писателя шла по пути утрирования «фольклорности» текста через добавление в структуру строфы дополнительных повторов.

Остается добавить, что в данном конкретном случае стремление П. И. Мельникова включать в текст романа «типические» произведения фольклорных жанров не подвело писателя. В XX веке песня «Я на камушке сижу» (в обработке Н. А. Римского-Корсакова) стала хрестоматийным примером народной песни. Она является обязательной для изучения в музыкальных школах по классам клавишных, струнных, струнно-смычковых и духовых инструментов, входит в репертуар многих самодеятельных и профессиональных фольклорных ансамблей. Музыканты самых разных направлений создают кавер-версии известной песни. Среди наиболее популярных – исполнение вокально-инструментального ансамбля «Диско»; обработка, предложенная скрипачом Варданом Маркосом; рок-вариант от Анны Малышевой и группы «МяТА».

Очевидно, что в отечественной культуре у песни «Я на камушке сижу» есть не только настоящее, но и будущее. В том или ином качестве она использована в большинстве методических пособий по приобщению детей к родной культуре в дошкольных образовательных учреждениях России. В некоторых из них сценарий осеннего праздника построен как «праздник капусты», и песня «Я на камушке сижу» является его смысловым центром. Тому есть простое историческое объяснение. Авторы некоторых советских учебников для педагогических вузов, доверяя этнографизму романа «На горах», переносили изложенные в тексте сведения из художественного дискурса в научный. Так произошло, в частности, с учебником А. А. Каиева «Русская литература», по которому учились несколько поколений школьных и дошкольных педагогов. И вот, в современной ситуации утраты из обрядовой сферы как советских осенних праздников, так и религиозных, из недр народной культуры выплыл праздник урожая в причудливом облике «праздника капусты». А вместе с ним и песня «Я на камушке сижу» в классической обработке Н. А. Римского-Корсакова. Стоит отметить, что текст обработанной композитором песни полностью соответствует варианту, опубликованному П. И. Якушкиным, а значит, является менее вероятным источником для П. И. Мельникова, чем приведенный выше вариант из пьесы А. Н. Островского.

Возвращаясь к авторским принципам обработки фольклорного материала для включения его в художественный текст, обратим внимание еще на одну важную деталь. Описывая акциональную сторону обычая коллективной рубки капусты, писатель использует тот фрагмент обычая, который необходим для создания системы контрастов, отражающих состояние главной героини романа. При этом оставшиеся в стороне смысловые аспекты обряда включаются в образ опосредовано – с помощью использования в псевдофольклорной песне мотивов широко известных хороводных игр. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом **художественного этнографизма** А. Печерского. В анализируемом фрагменте изображение обычая – не этнографично, текст песни – не аутентичен. Однако, в целом, художественный образ обычая отражает представление о нем, принятое в этнографической литературе XIX в., знакомой писателю.

Список литературы

1. **Авдеева Е. А.** Записки и замечания о Сибири: с приложением старинных русских песен, сочиненных Е. А. Авдеевой. М., 1837. 156 с.
2. **Даль В. И.** Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. 1142 с.
3. **Мельников П. И.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1963. Т. 5. 536 с.
4. **Островский А. Н.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 4. 448 с.
5. **Русские песни** / сост. и комментировал Н. А. Усов. Горький: Горьк. обл. изд., 1940. 404 с.
6. **Савельева Н. М.** Проблема формы в русской народной песне: дисс. ... д. искусствоведения. М., 2010. 370 с.
7. **Сахаров И. П.** Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: в 2-х т. Изд-е 3-е. СПб.: Тип. Сахарова, 1849. Т. 2. 679 с.
8. **Снегирев И. М.** Русские простонародные праздники: в 4-х т. М.: Унив. тип., 1839. Т. 4. 241 с.
9. **Терещенко А. В.** Быт русского народа: в 7-ми ч. / соч. А. Терещенки. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1848. Ч. 5. 189 с.
10. **Якушкин П. И.** Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1865. 288 с.

FOLKLORIC AND ETHNOGRAPHIC SOURCES TO DESCRIBE THE FOLK RITUAL “KAPUSTKI” IN THE NOVEL BY P. I. MELNIKOV- PECHERSKY “ON THE HILLS”

Kurochkina Anna Anatol'evna

*N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
chikalinka@mail.ru*

The article describes the results of studying folkloric and ethnographic sources to describe the folk ritual “kapustki” in the novel by P. I. Melnikov-Pechersky “On the Hills”. The author analyzes how the mentioned ritual’s image formed and developed in the popular ethnographic literature of the XIX century. The paper argues that rite’s description in the novel is ethnographically unreliable and lacks regional colouring. The researcher shows how the choice and interpretation of ethnographic realia were determined by A. Pechersky’s artistic and compositional purposes.

Key words and phrases: P. I. Melnikov-Pechersky; novel “On the Hills”; folklore in literature; folk calendar; folk rites; folk song; artistic ethnographism.